

В начале зимы третьего года эры Юаньси в Ецзине выпал первый снег. Крупные хлопья, подобные гусиным перьям, кружась, валились с неба, скрывая редкие пятна крови на дороге. Экипаж промчался по улице, вздымая снежные вихри, и вскоре скрылся из виду. На тихой улице раздался мужской крик, исполненный ярости и разбудивший спавших жителей:

— Быстрее! Еще быстрее!

Сяо Чжигэ с налитыми кровью глазами крепко прижимал к себе слабого человека. Смягчив голос, он успокаивающе шептал:

— Не бойся, я везу тебя во дворец. Все будет хорошо...

Обычно жесткий и холодный голос мужчины звучал невероятно мягко, будто он боялся потревожить лежавшего у него на груди.

Человек в его руках был юноша ослепительной красоты: расшитый золотом халат, венец из белого нефрита, изящные брови, глаза-фениксы, точеная переносица и влажные, нежно-розовые губы. Под левым уголком глаза темнела родинка-слезинка, придававшая его облику особое очарование. Если бы не мертвенная бледность и струйка крови, сочившаяся из уголка губ, зрелище прекрасного юноши в объятиях правителя могло бы показаться любовной сценой.

— Его Величество...

Длинные густые ресницы дрогнули, и Ань Чанцин с трудом разомкнул веки. Первое, что он увидел, — полное отчаяния и страха лицо Сяо Чжигэ.

Он замкнулся на миг в растерянности. Они прожили в браке почти десять лет, но так и не стали близки. Тогда Сяо Чжигэ, не спросив его согласия, выпросил у вдовствующей императрицы указ и насильно взял его в мужья. Ань Чанцин, испытывая страх и обиду, относился к нему со смешанной со страхом отстраненностью.

Сяо Чжигэ, заметив его нежелание, не стал принуждать его. Так они и прожили эти годы в поместье князя — каждый сам по себе. Позже, когда Сяо Чжигэ вззошел на престол, они лишь сменили обстановку, продолжить жить каждый своей жизнью.

Столь близкие объятия были у них впервые. Хотя их не связывали глубокие чувства, тревога Сяо Чжигэ не казалась наигранной. Ань Чанцину даже пришла в голову мысль, что слухи, ходившие о нем, были не совсем правдивыми.

— Чанцин... — Сяо Чжигэ встретился с ним взглядом и дрожащим тихим голосом спросил: — Больно?

Ань Чанцин опомнился и хотел покачать головой, но во внутренностях внезапно вспыхнула адская боль. Казалось, будто в тело вонзили острый нож и проворачивают рукоять, превращая внутренние органы в месиво.

— Больно... — Ань Чанцин дернулся, словно вытащенная на сушу рыба, крепко сжал зубы, но изо рта хлынуло еще больше крови.

Сяо Чжигэ еще сильнее сжал его в объятиях, словно пытаясь облегчить боль, но не знал, чем помочь. Ему оставалось лишь бессильно гладить Ань Чанцина по волосам и без конца повторять:

— Мы почти приехали, почти приехали...

Топот копыт огласил дворцовые ворота, и экипаж на всем скаку въехал во дворец Циу.

Больше десятка лекарей уже стояли на коленях перед дворцом в ожидании. Сяо Чжигэ подхватил Ань Чанцина на руки, внес внутрь и бережно уложил на ложе. Лекари не смели даже вздохнуть свободно; согнувшись в почтённом поклоне, они один за другим подошли к кровати.

Ань Чанцин крепко зажмурился. Его лоб покрылся холодным потом, а кровь из уголка губ струилась так сильно, что платки не успевали ее впитывать, постепенно заливая воротник и грудь.

Дрожащими руками лекари проверили пульс. Переглянувшись, они в ужасе пали ниц. Седовласый и седобородый главный лекарь задрожал всем телом и, уткнувшись лицом в пол, со слезами в голосе пролепетал:

— Ваше Величество, ничтожные слуги бессильны... Молим о пощаде!

Эта единственная фраза вынесла окончательный приговор.

— На что вы сдались мне, бесполезные твари?! — Сяо Чжигэ со всей силы пнул престарелого главного лекаря в грудь. Правитель всегда отличался бешеным нравом, а годы военной службы наградили его огромной силой — от удара старик отлетел прямо к позолоченной бронзовой жаровне в углу. Выплюнув горсть крови, лекарь даже не успел утереться и спешно пополз обратно, крича во весь голос: — Ваше Величество, помилуйте!

— Ваше Величество, помилуйте! — остальные лекари тут же принялись биться лбом о пол, дрожа от страха всем телом.

Сяо Чжигэ тяжело дышал, чувствуя, что струна его разума вот-вот порвется. С трудом подавив ярость, он мрачно окинул взглядом вымаливавших жизнь лекарей и процедил сквозь зубы:

— Лечите! Если не спасете его, отправитесь в могилу вслед за императором-супругом!

Ань Чанцин очнулся от громких плачей и воплей. Он смутно открыл глаза и почувствовал, что тело стало неимоверно легким. Терзавшая его адская боль улеглась, и казалось, будто еще секунда — и он взлетит.

И действительно — повинуясь этой мысли, он бесплотно выплыл из дверей дворца. На ступенях перед дворцом Циу на коленях стояли дворцовые слуги и евнухи. Все они надрывали глотки в плаче, на их лицах застыло выражение глубокого горя и смертельного страха.

Сяо Чжигэ, облаченный в ярко-желтое императорское одеяние с драконами и венец с парящим драконом, одиноко стоял на вершине ступеней. Между его бровей залегла нерассеиваемая жестокость. Это было странно: прежде Ань Чанцин всегда опасался его и при встрече стремился держаться подальше. Но теперь, глядя на него, он больше не испытывал страха. Под жестоким и мрачным выражением лица императора проглядывали эмоции, которые он не мог разгадать.

Ань Чанцин в замешательстве наблюдал за происходящим, пока перед дворцом не столпились

закованные в кандалы члены семьи Ань. Лишь тогда до него дошел замысел Сяо Чжигэ.

Вчера был шестьдесят пятый день рождения его отца, канцлера Да Е Ань Чжикэ. В резиденции канцлера устроили пышный пир, куда Сяо Чжигэ пришел вместе с ним. Но никто не ожидал, что Ань Чжикэ в сговоре с бывшим наследным принцем Сяо Цианем устроит западню, поджидая, пока Сяо Чжигэ попадет в их ловушку.

Сяо Чжигэ вовремя распознал заговор и избежал гибели, однако Ань Чанцин выпил отравленное вино. Он скончался от яда еще до того, как мятеж был подавлен. Опустив взгляд на свои полупрозрачные ладони, Ань Чанцин горько усмехнулся — в его душе не осталось ни капли жалости к семье Ань.

В этот день перед дворцом Циу текли реки крови. Около пятидесяти членов семьи Ань были преданы мучительной казни через медленное разрезание опытными палачами. Алая кровь струилась по земле, собираясь в целое озеро, и весь воздух пропитался тяжелым запахом людской крови. Слуги, стоявшие на коленях неподалеку, дрожали от ужаса: даже когда кровь промочила их одежды на коленях, никто из них не посмел сдвинуться с места.

Император У-ди из государства Да Е, Сяо Чжигэ, издавна славился своей жестокостью. Эта дурная слава закрепилась за ним еще в юности, когда после битвы с Бэйди он заживо погреб шестьдесят тысяч побежденных воинов Бэйди. За три года с момента восшествия на престол он непрерывно вел захватнические войны, принеся народу Да Е лишь лишения и усыпав землю трупами. А после сегодняшней расправы его дурная слава наверняка возрастет еще сильнее.

Впрочем, Сяо Чжигэ это давно не волновало.

Приказав страже выбросить трупы семьи Ань на безымянное кладбище, Сяо Чжигэ в одиночестве вошел во дворец Циу.

Во дворце Циу уже навели порядок. Позолоченная бронзовая жаровня в углу наполняла покои мягким теплом. В центре внутренних палат стояла резная кровать из сандалового дерева; с нее спускался темно-золотой полог, за которым едва различались очертания лежащего человека.

Сяо Чжигэ невольно смягчился в лице и, бесшумно подойдя ближе, отдернул полог.

С лица Ань Чанцина смыли следы крови, а иссиня-черные волосы вновь уложили под венец из темного нефрита. Он выглядел умиротворенным, будто просто спал. Сяо Чжигэ молча смотрел на него некоторое время, затем протянул руку, желая прикоснуться, но на полпути помедлил и отдернул ее. На губах мужчины появилась печальная улыбка:

— Ладно. Ты никогда не любил меня... Не буду огорчать тебя хотя бы сейчас.

Паривший рядом Ань Чанцин беззвучно раскрыл рот, желая сказать: «Нет, все не так, я не любил тебя, я лишь никогда толком тебя не знал... Каждый раз, видя твой мрачный, суровый взгляд и вспоминая те жуткие слухи, я невольно испытывал страх и просто не смел сделать шаг навстречу».

Вот только что бы он ни хотел сказать теперь — было слишком поздно.

Сяо Чжигэ посидел в одиночестве еще немного, а затем позвал слуг, чтобы те забрали тело Ань Чанцина для омовения и погребения. Опустив глаза и прижав руки к бокам, слуги тихо вошли в покои и один за другим вынесли тело.

В конце концов остался один лишь Сяо Чжигэ.

Глядя на его спину, Ань Чанцин подумал, что даже этого гордого правителя с прямой спиной заходящее солнце словно окрасило в цвета увядания и тоски.

— Молодой господин, не хотите ли чего-нибудь поесть?

В ушах неожиданно раздался знакомый голос. Ань Чанцин в замешательстве открыл глаза и увидел круглое, румяное, словно Белый пирожок, лицо Ань Фу. Заметив, что хозяин ошеломленно молчит, Ань Фу снова позвал:

— Молодой господин?

Ань Чанцин с трудом попытался шевельнуться, почувствовав во всем теле страшную слабость. Оно казалось ватным, мягким и невесомым; каждое движение давалось с трудом, словно тело принадлежало не ему.

Впрочем, оно и не должно было быть его телом. Ведь он давно умер и много лет скитался бесплотным духом.

Ань Фу, увидав его состояние, перепугался и бросился к дверям:

— Неужели лекарство не помогло?! Молодой господин, подождите! Я сейчас приведу лекаря!

С этими словами он в панике выскочил из комнаты, но прямо у дверей столкнулся с группой входящих людей.

— Мы уже выходим, куда ты так летишь?!

<http://bllate.org/book/18381/1767583>